

17. GIA SO. F.948, op.3, d.26.
18. GIA SO. F.948, op.3, d.27.
19. Dragunova L. V. Japonskie voennoplennye na Sahaline: istorija i sud'by // Sahalin i Kurily v vojnah XX veka: Materialy nauchnoj konferentsii. Juzhno-Sahalinsk, 2005.
20. Karpov V. Repatriatsija japonskogo grazhdanskogo naselenija i voennoplennyh s territorii Sahalina i Kuril'skih ostrovov posle Vtoroj mirovoj vojny [Rezhim dostupa] http://srchome.stav.hokuda.ac.jp/pdf_seminar/0408
21. Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. Sovetsko-japonskaja vojna 1945 goda: istorija voenno-politicheskogo protivoborstva dvuh derzhav v 30–40-e gody. M.: Terra, 2000. T. 18 (7–2).
22. Shalkus G.A. Osnovnye pokazateli razvitiya promyshlennosti Sahalinskoj oblasti v 1946-1995 godah // Kraevedcheskij bjulleten'. Juzhno-Sahalinsk: Izd-vo SahGU. 1996. № 4.

А. В. Соколов

ДЕЛО ОБЕР-ПРОКУРОРА СИНОДА Н. П. РАЕВА В 1917 году

Статья посвящена изучению следственных материалов, собранных в 1917 году Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства в связи с деятельностью последнего царского обер-прокурора Святейшего Синода Н. П. Раева. Хотя этот чиновник и избежал ареста во время Февральской революции, однако в отношении него всё же было заведено дело в связи с обвинением в «неправосудии» при ведении двух бракоразводных процессов осенью 1916 года. Статья существенно дополняет имеющиеся в историографии сведения о работе Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, а также о судьбе одного из высших царских чиновников кануна Февраля. Вводятся в научный оборот ранее не известные документы из Государственного архива Российской Федерации.

Ключевые слова: обер-прокурор Раев, Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства, Бярятинский, Яворская, Синод.

A. Sokolov

The Case of Procurator of the Holy Synod N.P.Raev in 1917

The article studies the materials collected by the Extraordinary Investigative Commission of Russian Provisional Government in 1917 in connection with the activities of the last imperial Procurator of the Holy Synod N.P.Raev. Although he was not arrested during the February Revolution, the investigation against him was started in connection with the charges of his "injustice" in the conduct of two divorce cases in the autumn of 1916. The article adds to the information available in the historiography about the Extraordinary Investigative Commission, as well as about the fate of the one of the highest royal officials on the eve of February. The article draws on previously unknown documents from the State Archive of the Russian Federation (Moscow).

Keywords: Procurator Raev, Extraordinary Investigative Commission of the Provisional Government, Baryatinsky, Yavorskaya, Holy Synod.

Несмотря на наличие ряда работ, посвященных истории Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства* (далее — ЧСК) [8; 12], занимавшейся рас-

следованием деятельности бывших царских сановников, в историографии ничего не говорится о собранных комиссией материалах, касающихся деятельности последнего

царского обер-прокурора Святейшего Синода Николая Павловича Раева (1856–1919). Вместе с тем эти данные не только добавляют несколько важных черт к его портрету, но и характеризуют одну из сторон государственно-церковных отношений в России накануне Февральской революции, связанную с гражданско-правовой сферой.

Н. П. Раев занял пост обер-прокурора Святейшего Синода в августе 1916 года, причём его назначение однозначно связывалось современниками с протекцией Г. Е. Распутина. Сменив уволенного с этой должности по настоянию императрицы А. Н. Волжина, Раев чувствовал себя вполне уверенно на новом месте, и эта уверенность стала причиной его, по всей видимости, довольно-таки бесцеремонного вмешательства в два бракоразводных процесса, ведущихся духовным ведомством уже достаточно продолжительное время.

Первое из двух дел — о разводе супругов Безродновых — началось ещё в 1912 году с иска доктора Н. С. Безроднова против жены. По версии истца, во время его длительного отъезда он узнал, что супруга сошлась с неким офицером, ради которого хотела бы оставить мужа. Безроднов сначала впал в уныние, из которого его вывело внезапно пришедшее к нему чувство любви к некоей гражданке О. П. Феокритовой. Он вернулся в Петербург, надеясь договориться о разводе с женой, и вдруг обнаружил, что офицер оставил её, и расставание с мужем уже не входит в её планы. Тогда Безроднов обратился в духовную консисторию с прошением о разводе ввиду прелюбодеяния супруги. На это оскорблённая Н. К. Безроднова подала встречный иск с обвинением в нарушении «крепости семейных отношений» мужа. По её версии, сам Безроднов без каких-либо поводов с её стороны длительное время жил на две семьи. Рассмотрев обстоятельства дела, 27 августа 1916 г. Петроградская духовная консистория признала обе стороны виновными в прелюбодеянии и постановила в праве развода отказать [4, л. 70–80].

В этот момент произошло назначение Н. П. Раева, и Безроднов подал апелляцию в Святейший Синод, который 2 сентября 1916 г. вернул материалы в консисторию на исследование. Та повторила свой вердикт, но 23 сентября 1916 г. Синод отменил это решение и признал брак расторгнутым. Н. К. Безроднова усмотрела в этом происки обер-прокурора, который отвёл свидетелей обвиняемой и сам, по её версии, выступил в качестве докладчика, обвинителя и свидетеля со стороны мужа, который являлся близким другом семьи Н. П. Раева [4, л. 6–6 об].

Второй бракоразводный процесс — супругов Барятинских. Известный публицист и драматург князь Владимир Владимирович подал в Петроградскую духовную консисторию иск о разводе со своей супругой княгиней Лидией Борисовной (урождённой Яворской, известной театральной актрисой) в начале 1916 года. Муж заявлял, что в период их проживания в Лондоне жена изменила ему с секретарём учреждённого ею благотворительного общества «Великобритания — Польша и Галиция» Джоном Поллоком [2, л. 16 об]**. Супруга же, отрицая свою вину, подала встречный иск против князя, доказывая, что именно он был неверен ей, и что развод необходим В. В. Барятинскому для вступления в новый брак. При этом княгиня объявила о массе нарушений, с которыми велось дело. Она отметила, что присяжный поверенный Е. В. Рожин, неофициально представлявший интересы её мужа и готовивший для него все документы, каким-то образом оказался допущен к даче показаний в качестве свидетеля. По заявлению Л. Б. Барятинской, Петроградский совет присяжных поверенных 10 декабря 1916 г. постановил отстранить Рожина от практики сроком на один год [2, л. 7–12 об]. Княгиня также подала иск против Рожина с обвинением в лжесвидетельстве под присягой и в принуждении к этому других лиц. Расследование деятельности юриста поручили следователю по особо важным делам Петроградского окружного суда Н. В. Зайцеву.

23 августа 1916 г. Петроградская духовная консистория признала обоих супругов виновными в супружеской неверности и также отказала в разводе [3, л.3–3 об., 40].

16 сентября 1916 г. князь подал апелляцию, и Н. П. Раев забрал дело из консистории, не известив об этом княгине. Когда 22 сентября 1916 г. последняя обратилась в консисторию за справкой, она с удивлением узнала, что все материалы по её, казалось бы, закрытому делу, уже две недели как находятся в Святейшем Синоде. Л. Б. Барятинская прибыла туда на следующий день, 23 сентября 1916 года, и потребовала документы «для обозрения». Однако, по её словам, ей ответили, что полчаса назад дело решено, что брак расторгнут с признанием ее вины и наложением на нее эпитимии и решение консистории отменено [3, л.4–4 об]. При этом князю дозволялось вступить в новый брак [3, л.41]. Княгиня выяснила, что накануне бывший муж и его помощник Е. В. Рожин подали Раеву дополнительное к апелляции «весьма пространное прошение» с выдержками из статей европейских законов по семейному праву, причём перевод выполнил присяжный переводчик по заказу Рожина. Этими цитатами они, видимо, хотели убедить членов Синода в необходимости утверждения развода. Барятинская также узнала, что 23 сентября Н. П. Раев лично докладывал дело на заседании Синода и давал заключение. Кроме того, в этот день ей не предоставили никаких выписок, так как, по заявлению дежурного чиновника, обер-прокурор «категорически запретил давать ей какие-либо справки или сведения» [3, л.41]. Через пять дней князь обвенчался с новой женой, артисткой Панчиной, и только после этого Н. П. Раев принял бывшую супругу, всячески уговаривая её отказаться от дальнейшей борьбы. 23 октября 1916 г. Барятинская попросила у Синода назначить новое рассмотрение, но это обращение осталось без ответа [3, л.42].

Оскорблённые женщины решили не сдаваться. Активнее повела себя Н. К. Безрод-

нова, которая выдвинула против Раева открытое обвинение в преступлениях в соответствии со ст. 338 и 371 Уложения о наказаниях. Замять инцидент не удалось, и вопрос попал на обсуждение в заседании 1-го департамента Государственного совета при участии товарища министра юстиции И. Е. Ильяшенко. Было решено провести дальнейшее выяснение обстоятельств, для чего затребовали делопроизводственные бумаги Синода [10, л.95 об, 100 об]. Видимо, вдохновлённая успехом Безродновой княгиня Барятинская также 21 февраля 1917 года подала прошение Николаю II, в котором обвиняла Н. П. Раева в превышении полномочий и ходатайствовала о пересмотре решения Святейшего Синода [2, л.31–33].

В этот напряжённый для обер-прокурора момент в столице начались массовые волнения, окончившиеся отречением Николая II от престола и приходом к власти Временного правительства. В бурные дни Февраля Раев предпочёл скрыться из столицы и вернулся только тогда, когда всё относительно успокоилось. Однако конкретное время его «исчезновения» точно неизвестно. По данным одной из газет, 27 февраля Раев даже призвал членов Синода выступить с воззванием в поддержку царя, на что получил категорический отказ [1]. Однако никакими другими источниками это сообщение не подтверждается. Заместитель Раева кн. Н. Д. Жевахов в своих воспоминаниях писал, что именно он, а не обер-прокурор, вёл последнее перед царским отречением заседание Синода 26 февраля, и что именно он просил архиереев поддержать Николая II. Ответ первоприсутствующего члена Синода митрополита Владимира (Богоявленского) тогда был менее революционным [7, с. 288–289]. Видимо, Жевахов всё же перепутал дату заседания: согласно протоколам Синода, оно состоялось не 26, а в понедельник, 27 февраля. И о том, что Н. П. Раев не присутствовал в этот день в Синоде, писали столичные газеты. Например, «Новое время» сообщало, что обер-прокурор с самого

начала крупномасштабных забастовок в столице «куда-то исчез». Жена его и близкие уверяли, что «он уехал из Петрограда по делам службы. Св. Синодом, однако, на него не возлагалось никаких поручений» [9].

Тем временем в столице начались аресты представителей царской администрации. Бывших министров привозили в Государственную думу (Таврический дворец), где их помещали в Министерский павильон. Не избежал этой участи и товарищ обер-прокурора кн.Н.Д.Жевахов, пробывший под арестом с 1 по 5 марта 1917 г. [6]. Только спустя несколько дней, уже после образования Временного правительства, когда большая часть узников покинула Министерский павильон, Раев позвонил в Таврический дворец и спросил, что ему делать. Ему предложили явиться в Думу и добровольно передать все дела новому обер-прокурору Синода В. Н. Львову. После явки Раева отпустили домой, где он некоторое время находился под надзором милиционера [9; 11]. Примечательно, что этот визит даже не был запротоколирован ЧСК. 15 мая комиссия вернула коменданту почт и телеграфов письма, поступившие на имя Н. П. Раева, с предписанием, что эта корреспонденция «не подлежит задержанию» и к направлению посланий адресату «препятствий не встречается». В документе также отмечено, что письма на имя Раева были вскрыты канцелярией ЧСК «по ошибке» [2, л.3]. Казалось, в отличие от своих коллег-министров, Раев вышел «сухим из воды» и миновал Февральскую революцию без особых тревог и волнений.

Однако вскоре у бывшего обер-прокурора опять начались неприятности. Либо Н. К. Безроднова сама обратилась в ЧСК, либо о её деле следователям напомнил кто-то из служащих Сената, но 11 апреля 1917 г. комиссия запросила Государственную канцелярию переслать ей документы «по встретившейся надобности» [2, л.1]. В пользу последней версии говорит тот факт,

что среди материалов дела письменного обращения вдовы не имеется. 8 мая ЧСК постановила затребовать у самого Н. П. Раева в двухнедельный срок объяснений по делу Безродновой, о чём 11 мая проинформировали бывшего чиновника [2, л.2].

20 мая Н. П. Раев прислал пространственный ответ, в котором упирал на то, что все решения принимались не им, а Синодом. По версии Раева, Безроднов имел полное моральное право на апелляцию, так как духовная консистория признала виновными обоих супругов, и жена этого постановления не обжаловала, как бы признав свою вину. Заявление мужа Синод рассматривал 2 сентября 1916 г. в отсутствие Раева и вернул бумаги в консисторию, которая повторила вердикт. Сразу после этого — мол, без какого-либо вмешательства обер-прокурора — архиереи назначили новое слушание по делу. По словам Раева, он даже специально настоял на переносе рассмотрения с более ранней даты на 23 сентября, чтобы супруга смогла подготовить письменное объяснение. И лишь 19 сентября Безроднов подал в Синод новую жалобу на определение консистории, о чём обер-прокурор сразу же проинформировал Безроднову. Далее всё решили члены Синода, причём единогласно: тут Раев призывал следователей обратиться к журналам синодальных заседаний, где действительно никаких упоминаний об особых мнениях не имелось [4, л.4–6 об].

Но простым взятием с Н. П. Раева объяснений дело не закончилось. 16 мая в Министерство юстиции Временного правительства обратилась и княгиня Л. Б. Барятинская (Яворская), после чего 20 мая ЧСК запросила в Канцелярии по принятию прошений бумагу, поданную княгиней на имя Николая II накануне революции [2, л.4]. 24 мая княгиня подала ещё одно заявление против Н. П. Раева. Она обвиняла бывшего обер-прокурора в том, что тот не известил её о рассмотрении дела Синодом 23 сентября 1916 г., не отвёл документы, подготовленные присяжным поверенным Е. В. Рожи-

ным, выступавшим в качестве и представителя истца, и свидетеля. Барятинская даже попыталась придать действиям Раева некий политический подтекст. По её словам, когда она в конце сентября 1916 г. в присутствии свидетеля депутата II Государственной думы Н. К. фон Гюббенста упрекнула обер-прокурора в нарушении процедур, тот ответил: «Вы правы, это так и есть, но эти незакония не составляют угрозы государственной безопасности, а потому я не вижу надобности с ними бороться». На заявление Барятинской о возможном получении взятки от князя Раев сказал: «По-видимому, Вы и тут правы, но я не понимаю, что за беда, если синодский чиновник получил сто или, скажем, тысячу рублей, ведь оклады их так мизерны, а жизнь с каждым днём безумно дорожает» [2, л.5 об.]. Л. Б. Барятинская просила провести предварительное следствие и «представить Временному правительству о предании Н. П. Раева суду за вышеописанные преступные деяния» [2, л.6 об.]. 1 июня у Раева официально затребовали объяснения и по этому вопросу [2, л.5].

3 июня ЧСК постановила назначить предварительное следствие по признакам преступления, предусмотренного 338 и 371 ст. Уложения о наказаниях, о «неправосудии по производившимся в Правительствующем Синоде делам о расторжении браков Безродновых и Барятинских» [3, л.1]. Примечательно, что речь шла исключительно о нарушениях, допущенных бывшим обер-прокурором, о пересмотре постановлений Синода вопрос даже не поднимался. Когда 24 мая 1917 г. Барятинская подала в Министерство юстиции бумагу и против бывшего мужа, обвиняя его в прелюбодеянии (так как у некоей К.М.Матвеевой, якобы, имела от него дочь Елена), назвав при этом решение Синода несправедливым и незаконным, заявление просто подшили к делу, даже не препроводив копию в Ведомство православного исповедания. А когда 7 июня Н. С. Безроднов обратился в ЧСК с просьбой ознакомиться с содержанием жалобы,

поданной в следственную комиссию по бракоразводному делу его разведённой жены Н. К. Безродновой, ему отказали. На документе имеется однозначная резолюция: «Прошение Безроднова как лица, в деле не участвующего, оставить без удовлетворения, о чём ему и объявить» [2, л.6].

26 июня производство предварительного следствия по обоим процессам поручили «командированному в комиссию» А. Н. Чубинову [3, л.2; 4, л.1]. Он последовательно изучил документы, касающиеся Л. Б. Барятинской, находившиеся в Канцелярии по принятию прошений [2, л.35] и в Синоде. Из последних стало известно, что 8 мая 1916 г. кн. Барятинский обратился к Николаю II с просьбой о «возможно скорейшем расторжении его брака». Царь начертил синим карандашом следующую резолюцию: «желательно помочь». После этого 27 мая 1916 г. Синод поручил епархиальному начальству «во исполнение Высочайшей резолюции» ускорить производство дела [2, л.38 об.].

12 июля Чубинов опросил адвоката Барятинской А. Я. Брафмана, который подтвердил обвинения, выдвинутые княгиней против Раева [3, л.43–45 об.]. 26 июля следователь приобщил к материалам дела и документы из Петроградской духовной консистории [3, л.47–56]. Параллельно А. Н. Чубинов собирал материалы (из Государственной канцелярии, Синода и духовной консистории) и опрашивал свидетелей и по делу Н. К. Безродновой [4, л.7–27].

В это же время проявился и следователь Н. В. Зайцев, занимавшийся с 1916 г. изучением деятельности подручного В. В. Барятинского присяжного поверенного Рожина. 8 августа Зайцев просил ЧСК провести экспертизу шрифта, которым писались обращения князя и сравнить их с пишущей машинкой присяжного поверенного [3, л.57].

8 августа 1917 г. ЧСК перевела А. Н. Чубинова на расследование деятельности «Союза русского народа», а дела Безродновой и Барятинской поручили Г. П. Гирчичу

[3, л.58]. Новый следователь продолжил опросы свидетелей. 11 августа он ещё раз взял подробные показания у Н. К. Безродновой [4, л.28]. 17 августа он встречался с Л. Б. Барятинской, а 22 августа — с Н. К. фон Гюббентом. Что интересно: последний не подтвердил показаний княгини об «откровениях» Раева во время их визита к нему в конце сентября 1916 г. По версии фон Гюббента, обер-прокурор говорил тогда Барятинской, что всё решил не он, а Синод, что «жизнь уже не склеить» и призывал к смирению. Когда она намекнула на то, что князь «был у Раева» и «ускорил дело», обер-прокурор дал уклончивый ответ. Потом Н. П. Раев, оставшись наедине с фон Гюббентом, просил его убедить княгиню «бросить это дело» [3, л.88–88 об., 92].

Гораздо более ценными для Г. П. Гирчича оказались показания непосредственного участника заседания Синода 23 сентября 1916 г. экзекутора Н. И. Покровского. Тот отметил, что, во-первых, рассмотрение обоих бракоразводных дел было назначено на этот день «в срочном порядке», по чьему приказанию, — неизвестно. Во-вторых, в ходе самого заседания после того, как Покровский «доложил о фактической стороне» дела Барятинских, поднялся Н. П. Раев и заявил, что экзекутор ничего не упомянул о «высочайшей резолюции». Далее слово взял архиепископ Черниговский Василий (Богоявленский), подчеркнувший, что у супругов нет детей, а Барятинская сама подавала иск против мужа, а значит, желала развода. Более обсуждений по существу не последовало, архиереи постановили брак расторгнуть. Следующее дело — Безродновых — Н. И. Покровскому вообще не дали озвучить, так как Н. П. Раев объявил, что оно уже слушалось 2 сентября и повторять не надо. А митрополит Питирим (Окнов) высказал, что хоть епархиальное начальство и вынесло решение о сохранении брака, но оно «было убеждено в необходимости его расторжения, если судить по совести, то брак следует расторгнуть». Прений не имелось [3, л.89–91].

23 августа 1917 г. свои показания дали бывший товарищ обер-прокурора Синода Н. Ч. Зайончковский (занимавший этот пост с 6 сентября 1915 по 15 октября 1916 г.) и протопресвитер придворного духовенства А. А. Дернов. Зайончковский назвал дела «грязными» и подтвердил, что Раев в начале сентября 1916 г. действительно их продвигал, причём в интересах мужей. По мнению товарища обер-прокурора, «г-н Безроднов вступил в связь с г-жей Феофритовой с целью добиться развода, возвёл на свою жену ложное обвинение, обставив его слабо даже с формальной стороны». Заподозрив неладное, Зайончковский договорился тогда с юристом Синода В. В. Радзимовским о затягивании рассмотрения и накануне слушаний 2 сентября 1916 г. просил членов Синода прот. Г. И. Шавельского и архиепископа Симбирского Вениамина (Муратовского) направить дело на доследование [3, л.93–94 об].

По-видимому, Гирчич решил побеседовать со всеми возможными свидетелями и запросил духовное ведомство о местонахождении бывших членов Синода и чиновников его канцелярии. Узнав, что большинство из них находится в Москве на Поместном соборе, он через ЧСК поручил следователю Московского окружного суда по особо важным делам В. Г. Громову провести опросы и, в частности, выяснить, как проходило заседание Синода 23 сентября 1916 г., являлось ли оно экстренным, были ли докладчики, оба ли дела озвучивали и как вёл себя тогда обер-прокурор Раев [3, л.101]. В соответствии с предписанием Громов встречался в сентябре 1917г. с архиепископом Симбирским Вениамином (Муратовским), с епископом Иннокентием (Ястребовым) и с другими лицами [5, л.6–8]. Из свидетелей, находящихся в провинции, удалось собрать показания ранее служившего в Синоде секретаря Харьковской духовной консистории П. В. Лебедева [5, л.26] и проживающего в Валдайском монастыре Новгородской епархии епископа Рязанского Дмитрия (Сперовского). По мнению последнего, Раев не ока-

зывал «особого давления» на дела Безродновой и Барятинской. Зато имелось его активное вмешательство в освобождении от наказания бывшего викария Рязанской епархии епископа Михайловского Исидора, которому Синод при Волжине и митрополите Владимире (Богоявленском) отказали в богослужении «за неприличное поведение» [4, л.90].

10 октября 1917 г. в ЧСК вновь обратилась Л. Б. Барятинская, настаивая, что в свершившемся в отношении её «неправосудии» виноват именно Н. П. Раев [3, л.107–110]. Показания против него продолжали собираться, но никаких санкций к не-

му пока применено не было, и бывший обер-прокурор беспрепятственно выехал на Кавказ.

Последняя бумага в материалах ЧСК о Н. П. Раеве — постановление следователя Ф. П. Симсона от 1 ноября 1917 г. об объединении дел Барятинских и Безродновых в «одно производство» [5, л.28]. Дальнейшего расследования, очевидно, не проводилось, так как ЧСК фактически перестала существовать. Октябрьская революция сделала для бывшего обер-прокурора то, что не совершила Февральская: наконец, избавила его от преследования за «неправосудие» по бракоразводным делам.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Полное название комиссии — Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так и военного и морского ведомств.

** К слову сказать, в 1920 году Яворская в эмиграции вышла замуж именно за Фредерика Джона Поллока, 4-го баронета Хаттона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 7 апреля.
2. ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.81. 38 л.
3. ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.490. 110 л.
4. ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.491. 91 л.
5. ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.492. 28 л.
6. Известия. № 7 от 2 марта 1917 года.
7. *Жевахов Н. Д.* Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова. Т. 1. Сентябрь 1915— март 1917 г. М., 1993. 345 с.
8. *Куприянов М. И.* Деятельность Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: март–октябрь 1917 г.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 218 с.
9. Новое время. 1917. 10 марта.
10. ОР РНБ. Ф.322. Оп.1. Д.43. 260л.
11. Петроградская газета. 1917. 11 марта.
12. *Щеголев П. Е.* Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства 1917 г. // Падение царского режима: Стенографические отчёты. М.; Л., 1924. Т. 1. С. V–XXIV.

REFERENCES

1. Vserossijskij tserkovno-obshchestvennyj vestnik. 1917. 7 aprelja.
2. GARF. F.1467. Op.1. D.81. 38l.
3. GARF. F.1467. Op.1. D.490. 110l.
4. GARF. F.1467. Op.1. D.491. 91l.
5. GARF. F.1467. Op. 1.D.492. 28l.
6. Izvestija. № 7 ot 2 marta 1917 goda.

7. Zhevahov N. D. Vospominanija tovarishcha ober-prokurora Sv. Sinoda knjazja N. D. Zhevahova. T. 1. Sentjabr' 1915 — mart 1917 g. M., 1993. 345 s.

8. Kuprijanov M. I. Dejatel'nost' Chrezvychajnoj sledstvennoj komissii Vremennogo pravitel'stva: mart-oktjabr' 1917 g.: Dis. ... kand. ist. nauk. M., 2006. 218 s.

9. Novoe vremja. 1917. 10 marta.

10. OR RNB. F.322. Op. 1.D.43. 260l.

11. Petrogradskaja gazeta. 1917. 11 marta.

12. Shchegolev P. E. Chrezvychajnaja sledstvennaja komissija Vremennogo pravitel'stva 1917 g. // Padenie tsarskogo rezhima. Stenograficheskie otchjoty. M.; L., 1924. T. 1. S. V–XXIV.

E. A. Чайка

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ В 1945–1950 ГГ.: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Представлены данные о материальном ущербе, нанесенном народному хозяйству Ставропольского края фашистскими захватчиками. Показаны проблемы восстановления промышленности, сельского хозяйства и культурно-бытовых учреждений Ставрополя, а также размеры государственных ассигнований, потребовавшиеся для данного процесса, в первые послевоенные годы. Исследованы мероприятия по борьбе с детской беспризорностью, трудоустройством демобилизованных воинов и восстановлением культурной сферы в крае.

Ключевые слова: оккупация, ущерб, восстановление, материальные фонды, бюджет, капиталовложения.

E. Chaika

The Restoration of the Economy and Social Sphere of the Stavropol Territory in the 1945–1950 s: Achievements and Controversies

The data on the national economy damage caused to the Stavropol Territory by the fascist invaders are given. The problems of the reconstruction of industry, agriculture and cultural and community facilities in Stavropol are described, as well as the extent of public expenditures which were needed for this process during the first postwar years. The measures for combating child homelessness, employment of demobilized soldiers and the restoration of the cultural sector in the province are studied.

Keywords: occupation, damage, restoration, material assets, budget, investment.

Первые послевоенные годы — одно из наиболее тяжелых, противоречивых и все еще недостаточно изученных периодов в жизни Ставрополя. Несмотря на то, что в 1950–1980-е гг. был опубликован ряд интересных работ по рассматриваемой проблеме, многие ее аспекты нуждаются в дальнейшем исследовании. Это тем более необходимо в связи с обновлением теоретико-

методологических подходов и с существенным расширением источниковой базы.

В конце 1980-х — и особенно в 1990-е годы — исследователи опубликовали работы, отразившие трудности преодоления тяжелых последствий войны, перемены в состоянии народного хозяйства [16]. Освещению этих проблем отводится видное место в тематических сборниках, в общих трудах